

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. Пантелеев

**ЧЕСТНОЕ
СЛОВО**

Леонид Пантелеев
Честное слово (сборник)

Издательство «Детская литература»

2014

Пантелеев Л.

Честное слово (сборник) / Л. Пантелеев — Издательство
«Детская литература», 2014

В эту книгу, написанную автором знаменитой «Республики Шкид», вошли рассказы о детях: «Честное слово», «Новенькая», «Главный инженер», «Первый подвиг», «Буква „ты“» и другие, а также стихи и сказки. Все они уже давно стали классикой и по праву входят в золотой фонд детской литературы. Статья Л. Пантелеева «Как я стал детским писателем» печатается в сокращении. Для среднего школьного возраста.

© Пантелеев Л., 2014
© Издательство «Детская
литература», 2014

Содержание

Родом из детства	7
Рассказы, стихи, сказки	9
Весёлый трамвай	11
Две лягушки	13
Раскидай	14
Фенька	15
Карусели	21
Свинка	23
Задача с яблоками	25
Трус	26
Как поросёнок говорить научился	28
Буква «ты»	29
Рассказы о детях	33
Честное слово	35
Новенькая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Леонид Пантелеев
Честное слово
Рассказы, стихи, сказки

Л. Пантелеев

1908–1987

Родом из детства *(Предисловие от редакции)*

В 2008 году исполняется 100 лет со дня рождения замечательного русского писателя Алексея Ивановича Еремеева, писавшего свои произведения под псевдонимом Л. Пантелеев. Все его книги уже давно стали классикой и по праву входят в золотой фонд детской литературы.

Свою первую книгу Л. Пантелеев написал совсем молодым человеком – ему было всего семнадцать лет. Потом он писал рассказы для детей – они стали главными в его творчестве. Рассказы эти написаны давно – в тридцатые и сороковые годы прошлого века, но они актуальны до сих пор, ведь в них говорится о непреходящих нравственных ценностях – честности, достоинстве, отваге. Л. Пантелеев воспитывает читателей не нравоучениями, а личным примером своих героев. В каждом из них, независимо от возраста, он видит личность и относится к ней с безусловным уважением. А доверие и уважение всегда вызывают искренний отклик.

Когда у Л. Пантелеева спросили, есть ли в его творчестве самая важная для него тема, он ответил, что «скорее всего, это тема совести». Во всех своих книгах писатель утверждает очень важную для него мысль: в любых жизненных ситуациях человек должен проявлять лучшие душевные качества.

Алексей Иванович Еремеев родился в 1908 году, в Петербурге, в доме на Фонтанке, недалеко от Египетского моста.

Его отец, Иван Афанасьевич, был военным, служил во Владимирском драгунском полку. За боевые заслуги и воинскую доблесть, проявленные во время русско-японской войны, он получил орден Владимира с мечами и бантом и потомственное дворянство. В 1912 году он вышел в отставку, а в 1914-м – когда началась Первая мировая война – был призван в армию и потом пропал без вести. Для Алёши отец всегда оставался примером мужества, чести, воинского долга.

С самого раннего детства Алёша Еремеев очень любил читать. Читал много, запоем. Брат Вася и сестра Ляля даже прозвали его «книжным шкафом». Он зачитывался сказками Андерсена, книгами Лидии Чарской, Марка Твена, Диккенса, Конан Дойла. Мать Алёши, Александра Васильевна, выписывала для детей журнал «Золотое детство», который они все с удовольствием читали. Потихоньку мальчик пристрастился и ко взрослой литературе – произведениям Достоевского, Толстого, Писемского, Мережковского, Леонида Андреева, Мопассана.

В детстве же он начал и сочинять: писал стихи, пьесы, приключенческие рассказы, даже авантюрный роман.

В восьмилетнем возрасте Алёша поступил в реальное училище, но проучился в нём всего один год – началась революция и перевернула привычный уклад жизни.

Во время Гражданской войны семья уехала из голодного Петрограда в Ярославскую губернию. Потом переезжала из города в город. Когда жить стало не на что, Алёшу и его младшего брата Васю отправили на ферму, где они должны были добывать себе пропитание сами. Об этом периоде своей жизни, когда он растерял семью, скитался по России, попадая в детские дома и колонии, беспризорничал, писатель рассказал в автобиографической повести «Лёнька Пантелеев».

В 1920 году Алёша оказался в петроградской «Школе социально-индивидуального воспитания имени Достоевского», куда собрали беспризорников из разных детских домов и колоний. Длинное и трудное название школы ребята сократили до короткого «Шкид». Здесь Алёша познакомился с Гришей Белых, который стал его лучшим другом и с которым они в 1924 году

отправились в Баку, чтобы стать киноартистами и сниматься в фильме «Красные дьяволята». Но добрались они только до Харькова и вынуждены были вернуться назад в Петроград.

Чтобы прожить, приходилось заниматься самой разной работой – Алёша был учеником киномеханика, поварёнком, торговал газетами, учился на курсах киноактёров, был внештатным кинорепортёром, печатался в журналах.

В 1926 году друзьям пришла в голову мысль написать книгу о Шкиде. Рукопись книги, которую они сочинили за три месяца, им посоветовали показать С. Маршаку и Е. Шварцу, работавшим в редакции детских журналов «Ёж» и «Чиж», куда часто заглядывали К. Чуковский, Б. Житков, М. Зощенко, Д. Хармс, А. Гайдар. С благословения Евгения Львовича Шварца, который был официальным редактором книги, в 1927 году вышла знаменитая «Республика Шкид». Она сразу стала очень популярной, в библиотеках её брали нарасхват, она имела огромный читательский успех. Так вчерашние детдомовцы Алексей Еремеев и Григорий Белых стали писателями. Алёша придумал себе псевдоним – Л. Пантелеев, в память о своей шкидской кличке Лёнька Пантелеев. Правда, букву «Л» в своём литературном имени он никогда не расшифровывал.

После «Республики Шкид» Л. Пантелеев писал рассказы для детей, которые он объединил в несколько циклов: «Шкидские рассказы», «Рассказы о подвиге», «Рассказы для маленьких», «Маленькие рассказы», «Рассказы о детях». В течение нескольких лет (1938–1952) он писал автобиографическую повесть «Лёнька Пантелеев».

Когда началась Великая Отечественная война, Алексей Иванович жил в Ленинграде. Дважды он пытался пойти в армию, чтобы с оружием в руках защищать Родину, и дважды медицинская комиссия не пропускала его – перед самой войной он перенёс тяжёлую операцию. Тогда Пантелеев вступил в отряд противовоздушной обороны.

В 1942 году его, тяжело больного, эвакуировали из блокадного Ленинграда в Москву.

В госпитале он написал рассказы о героизме и мужестве ленинградских детей, которые наравне со взрослыми защищали свой город: дежурили на крышах, тушили зажигалки. «Присутствие детей, – писал Л. Пантелеев, – подчёркивало великий человеческий смысл нашей борьбы».

Выйдя из госпиталя, он снова пишет заявление с просьбой призвать его в армию. В 1943 году его направили в Военно-инженерное училище, затем в инженерные войска, где он был редактором батальонной газеты.

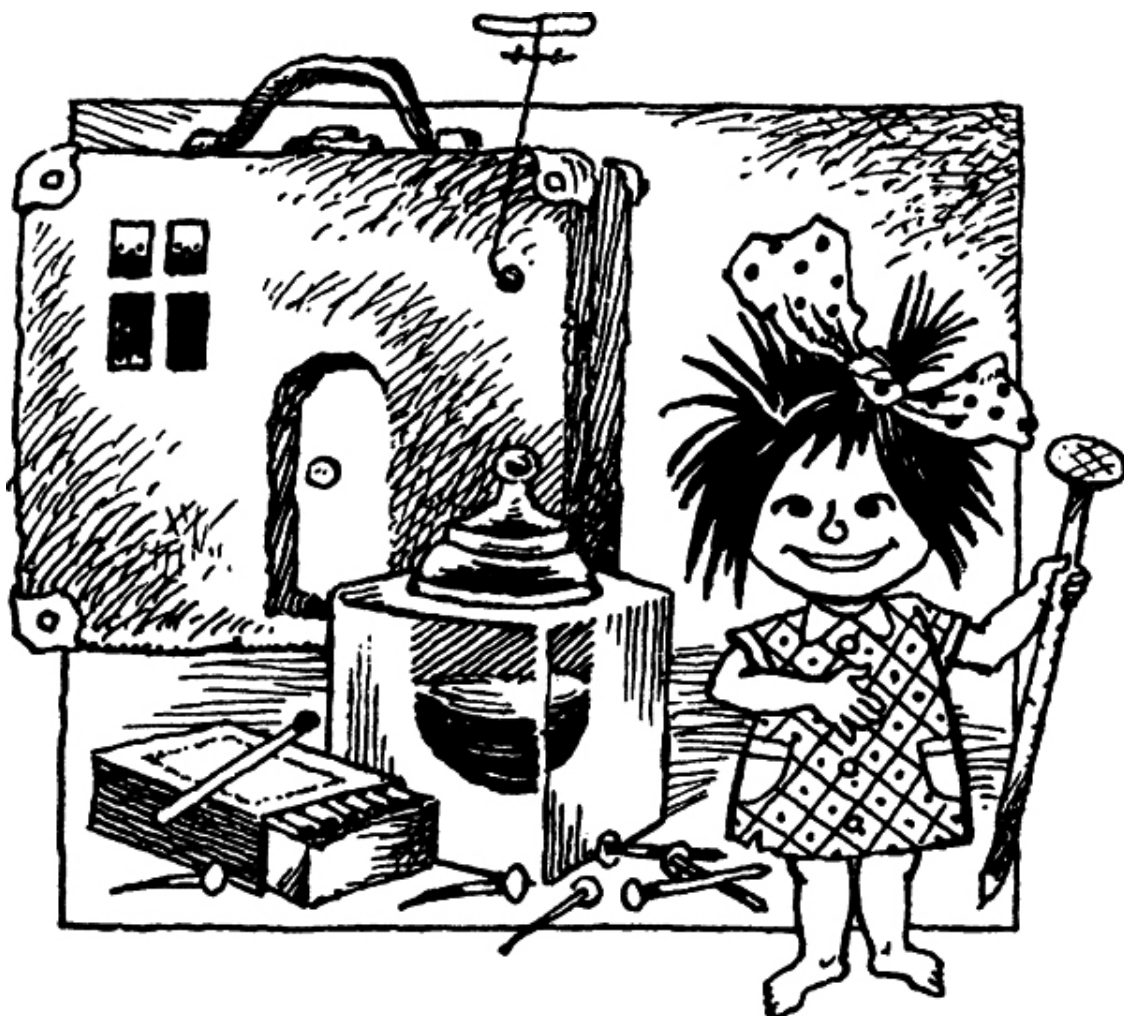
После войны, в 1947 году, Л. Пантелеев в звании капитана запаса вернулся в родной Ленинград, в котором жил и работал до последнего дня.

В семидесятые годы он написал цикл автобиографических рассказов «Дом у Египетского моста», в которых описал свои ранние детские годы, когда закладывается характер ребёнка, основы его личности.

Свою последнюю книгу Л. Пантелеев назвал «Приоткрытая дверь...». В ней он подвёл своеобразный итог всей своей писательской жизни.

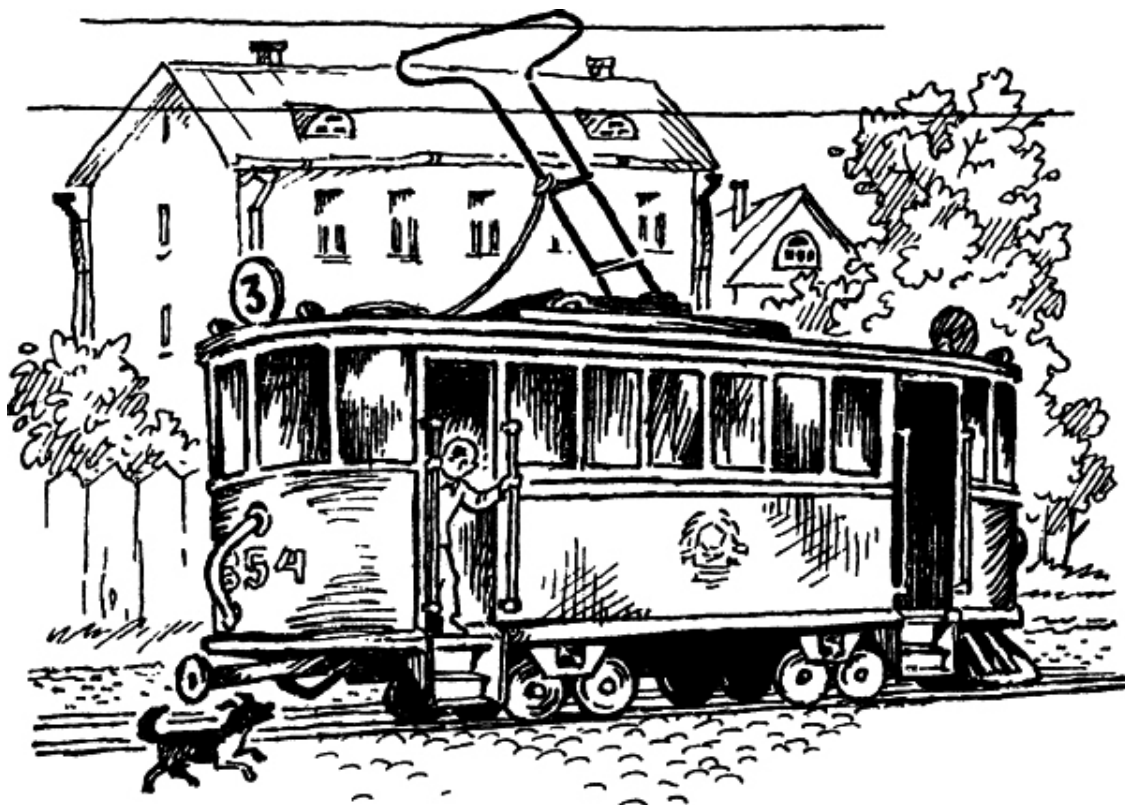
Алексей Иванович Еремеев-Пантелеев умер в 1987 году, оставив нам свои замечательные книги, достойные его умного, взыскательного таланта.

Рассказы, стихи, сказки

Весёлый трамвай

Тащи сюда стулья,
Неси табуретку,
Найди колокольчик,
Тесёмку давай!..
Сегодня нас трое,
Давайте устроим
Совсем настоящий,
Звенящий,
Гремящий,
Совсем настоящий
Московский
Трамвай.

Я буду – кондуктор,
Он будет – вожатый,
А ты – безбилетный пока
Пассажир.
Поставь свою ножку
На эту подножку,
Взойди на площадку
И так мне скажи:

– Товарищ кондуктор,
Я еду по делу,
По срочному делу
В Верховный Совет.
Возьмите монету
И дайте за это
Мне самый хороший
Трамвайный
Билет.

Я дам вам бумажку,
И вы мне – бумажку,
Я дёрну тесёмку,
Скажу:
– Поезжай!..

Вожатый педали
Нажмёт у рояля,
И медленно
Тронется
Наш настоящий,
Как солнце блестящий,
Как буря гремящий,
Совсем настоящий
Московский
Трамвай.

1939

Две лягушки

Сказка

Жили-были две лягушки. Были они подруги и жили в одной канаве. Но только одна из них была настоящая лесная лягушка – храбрая, сильная, весёлая, а другая была ни то ни сё: трусиха была, лентяйка, соня. Про неё даже говорили, будто она не в лесу, а где-то в городском парке родилась.

Но всё-таки они жили вместе, эти лягушки.

И вот однажды ночью пошли они погулять.

Идут себе по лесной дороге и вдруг видят – стоит дом. А около дома погреб. И из этого погреба очень вкусно пахнет: плесенью пахнет, сыростью, мохом, грибами. А это как раз то самое, что лягушки любят.

Вот забрались они поскорей в погреб, стали там бегать и прыгать. Прыгали, прыгали и нечаянно свалились в горшок со сметаной.

И стали тонуть.

А тонуть им, конечно, не хочется.

Тогда они стали барахтаться, стали плавать. Но у этого глиняного горшка были очень высокие скользкие стенки. И лягушкам оттуда никак не выбраться. Та лягушка, что была лентяйкой, поплавала немножко, побултыхалась и думает: «Всё равно мне отсюда не вылезти. Что ж я буду напрасно барахтаться? Только нервы даром трепать. Уж лучше я сразу утону».

Подумала она так, перестала барахтаться – и утонула.

А вторая лягушка – та была не такая. Та думает: «Нет, братцы, утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдёт. А лучше я ещё побарахтаюсь, ещё поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и выйдёт».

Но только – нет, ничего не выходит. Как ни плавай – далеко не уплывёшь. Горшок узенький, стенки скользкие – не вылезти лягушке из сметаны.

Но всё-таки она не сдаётся, не унывает.

«Ничего, – думает, – пока силы есть, буду барахтаться. Я ведь ещё живая – значит, надо жить. А там – что будет».

И вот – из последних сил борется наша храбрая лягушка со своей лягушачьей смертью. Уж вот она и сознание стала терять. Уж вот захлебнулась. Уж вот её ко дну тянет. А она и тут не сдаётся. Знай себе лапками работает. Дрыгает лапками и думает: «Нет! Не сдамся! Шалишь, лягушачья смерть...»

И вдруг – что такое? Вдруг чувствует наша лягушка, что под ногами у неё уже не сметана, а что-то твёрдое, что-то такое крепкое, надёжное, вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она на комке масла.

«Что такое? – думает лягушка. – Откуда здесь взялось масло?»

Удивилась она, а потом догадалась: ведь это она сама лапками своими из жидкой сметаны твёрдое масло сбила.

«Ну вот, – думает лягушка, – значит, я хорошо сделала, что сразу не утонула».

Подумала она так, выпрыгнула из горшка, отдохнула и поскакала к себе домой – в лес.

А вторая лягушка осталась лежать в горшке.

И никогда уж она, голубушка, больше не видела белого света, и никогда не прыгала, и никогда не квакала.

Ну что ж. Если говорить правду, так сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти...

1937

Раскидай

Жил-был раскидай Куда-хочешь-туда-кидай: хочешь – направо, хочешь – налево, хочешь – вниз, хочешь – вверх, а хочешь – так куда хочешь.

На столик его положишь – он на столе будет лежать. На стулик посадишь – он на стуле будет сидеть. А если на пол бросишь – он и на полу устроится. Вот он какой, раскидай, – покладистый...

Одно только не любил раскидай – не любил, когда его в воду кидали. Он воды боялся.

А всё-таки, бедняга, попался.

Купили его одной девочке. Девочку звали Мила. Она с мамой гулять ходила. А в это время продавал продавец раскидаи.

– А вот, – говорит, – кому? Продаётся раскидай Куда-хочешь-туда-кидай: хочешь – направо, хочешь – налево, хочешь – вверх, хочешь – вниз, а хочешь – так куда хочешь!

Девочка услышала и говорит:

– Ой, ай, какой раскидайчик! Прыгает, как зайчик!

А продавец говорит:

– Нет, гражданочка, берите повыше. Он прыгает у меня через крыши. А зайчик этого не умеет.

Вот девочка попросила, мама ей раскидайчика и купила.

Девочка его домой принесла, пошла во двор играть.

Бросит направо – раскидай прыгнет направо, бросит налево – раскидай прыгнет налево, кинет вниз – он вниз летит, а кверху подкинет – так он чуть не до самого синего неба скачет.

Вот он какой, раскидай, – лётчик-молодчик.

Девочка бегала-бегала, играла-играла, ей наконец раскидай надоел, она взяла его, глупая, да и бросила. Раскидай покатился и прямо в грязную лужу свалился.

А девочка и не видит. Она домой пошла.

Вечером прибегает:

– Ай, ай, где же раскидайчик Куда-хочешь-туда-кидайчик?

Видит – нет раскидайчика Куда-хочешь-туда-кидайчика. Плавают в луже бумажки цветные, да верёвочки завитые, да мокрые опилки, которыми раскидаево брюхо было набито.

Вот и всё, что от раскидая осталось.

Заплакала девочка и говорит:

– Ой, раскидай-раскидаюшко Куда-хочешь-туда-кидаюшко! Что я наделала?! Прыгал ты у меня и направо, и налево, и вверх, и вниз... А теперь – куда тебя кинешь такого? В помойку только...

1939

Фенька

Дело было вечером. Я лежал на диване, курил и читал газету. В комнате никого, кроме меня, не было. И вдруг я слышу – кто-то царапается. Кто-то чуть слышно, тихонечко стучит по оконному стеклу: тик-тик, тук-тук.

«Что, – думаю, – такое? Муха? Нет, не муха. Таракан? Нет, не таракан. Может быть, дождь капает? Да нет, какой там дождь, – дождём и не пахнет...»

Повернул я голову, посмотрел – ничего не видно. На локте привстал – тоже не видно. Прислушался – как будто тихо.

Лёг я. И вдруг опять: тик-тик, тук-тук.

«Фу, – думаю, – что такое?»

Надоело мне, встал я, бросил газету, подошёл к окну – и глаза вытарашил. Думаю: батюшки, что это мне – во сне снится, что ли? Вижу – за окном, на узеньком железном карнизе, стоит – кто вы думаете? Стоит девочка. Да такая девочка, о каких вы и в сказках не читывали.

Ростом она будет поменьше самого маленького Мальчика с пальчика. Ножки у неё босые, платье всё изодрано; сама она толстенькая, пузатая, нос пуговкой, губы какие-то оттопыренные, а волосы на голове рыжие и торчат в разные стороны, как на сапожной щётке.

Я даже не сразу поверил, что это девочка. Я подумал сначала, что это какой-то зверёк. Потому что я никогда раньше таких маленьких девочек не видел.

А девочка стоит, смотрит на меня и изо всех сил своим кулачишкой по стеклу барабанит: тик-тик, тук-тук.

Я у неё через стекло спрашиваю:

– Девочка! Тебе что надо?

А она не слышит меня, не отвечает и только пальцем показывает: дескать, открой, пожалуйста, а ну открой поскорей!

Тогда я отодвинул задвижку, открыл окно и впустил её в комнату.

Я говорю:

– Чего же ты, глупышка, в окно лезешь? Ведь у меня ж дверь открыта.

А она мне, я помню, тоненьким-тоненьким голоском отвечает:

– Я в дверь не умею ходить.

– Как не умеешь?! В окно умеешь, а в дверь не умеешь?

– Да, – говорит, – не умею.

«Вот так, – думаю, – чудо-юдо ко мне привалило!»

Удивился я, взял её на руки, вижу – она вся дрожит. Вижу – боится чего-то. Оглядывается, на окно посматривает. Лицо у неё всё заплаканное, зубки стучат, а в глазах ещё слёзы поблёскивают.

Я у неё спрашиваю:

– Ты кто такая?

– Я, – говорит, – Фенька.

– Какая такая Фенька?

– Такая вот... Фенька.

– А где ты живёшь?

– Не знаю.

– А где твои папа с мамой?

– Не знаю.

– Ну, – я говорю, – а откуда ты пришла? Почему ты дрожишь? Холодно?

– Нет, – говорит, – не холодно. Жарко. А я дрожу потому, что за мной сейчас собаки по улице гнались.

– Какие собаки?

А она мне опять:

– Не знаю.

Тут уж я не вытерпел, рассердился и говорю:

– Не знаю, не знаю!.. А чего же ты тогда знаешь?

Она говорит:

– Я есть хочу.

– Ах вот как! Это ты знаешь?

Ну, что ж с ней поделаешь. Посадил я её на диван, посиди, говорю, а сам пошёл на кухню, поискать, нет ли чего-нибудь съедобного. Думаю: только вот вопрос, чем её кормить, этакое чудовище? Налил ей на блюдечко кипячёного молока, хлеба нарезал маленькими кусочками, котлету холодную раскрошил.

Прихожу в комнату, смотрю – где же Фенька? Вижу – на диване никого нет. Удивился я, стал кричать:

– Феня! Феня!

Никто не отвечает.

Я опять:

– Феня! А Феня?

И вдруг слышу откуда-то:

– Я тут!

Нагнулся – она под диваном сидит.

Рассердился я.

– Это, – говорю, – что за фокусы такие?! Ты почему это на диване не сидишь?

– А я, – говорит, – не умею.

– Что-о? Под диваном умеешь, а на диване не умеешь? Ах ты такая-сякая! Ты, может быть, и за столом за обеденным не умеешь сидеть?

– Нет, – говорит, – это умею.

– Ну так садись, – говорю.

Посадил её за стол. Стул ей поставил. На стул книг целую гору навалил – чтобы повыше было. Вместо передника носовой платок повязал.

– Ешь, – говорю.

Только вижу – не ест. Вижу – сидит, ковыряется, носом сопит.

– Что? – говорю. – В чём дело?

Молчит, не отвечает.

Я говорю:

– Ты же есть просила. Вот – ешь, пожалуйста.

А она покраснела вся и вдруг говорит:

– Нет ли у вас чего-нибудь повкуснее?

– Как повкуснее? Ах ты, – я говорю, – неблагодарная! Тебе, что ж, конфет надо, что ли?

– Ах нет, – говорит, – что вы, что вы... Это тоже невкусно.

– Так чего же тебе? Мороженого?

– Нет, и мороженое невкусное.

– И мороженое невкусное? Вот тебе и на! Так чего же тебе, скажи, пожалуйста, хочется?

Она помолчала, носиком посопела и говорит:

– Нет ли у вас немножко гвоздиков?

– Каких гвоздиков?

– Ну, – говорит, – обыкновенных гвоздиков. Железеньких.

У меня даже руки от страха затряслись.

Я говорю:

– Так ты что же это, значит, гвозди ешь?

– Да, – говорит, – я гвоздики очень люблю.

– Ну, а ещё что ты любишь?

– А ещё, – говорит, – я люблю керосин, мыло, бумагу, песок... только не сахарный. Вату люблю, зубной порошок, гуталин, спички...

Я думаю:

«Батюшки! Неужели это она правду говорит? Неужели она действительно гвоздями питается? Ладно, – думаю. – Давай проверим».

Вытащил из стены большой ржавый гвоздь, почистил его немножко.

– На, – говорю, – ешь, пожалуйста!

Я думал, она не будет есть. Думал, она просто фокусничает, притворяется. Но не успел я оглянуться, она – раз-раз, хруп-хруп – весь гвоздь сжевала. Облизнулась и говорит:

– Ещё!..

Я говорю:

– Нет, голубушка, извиняюсь, у меня больше гвоздей для тебя нет. Вот, если хочешь, – бумаги, пожалуйста, могу дать.

– Давай, – говорит.

Дал ей бумагу – она и бумагу съела. Спичек дал целый коробок – она и спички в два счёта скушала. Керосину на блюдечко налил – она и керосин вылакала.

Я только смотрю и головой качаю. «Вот так девочка, – думаю. – Такая девочка, пожалуй, и тебя самого съест в два счёта. Нет, – думаю, – надо гнать её в шею, обязательно гнать. Куда мне такое страшилище, людоедку такую!!»

А она керосин выпила, блюдечко вылизала, сидит, зевает, носом клюёт: спать, значит, хочется.

И тут мне её, вы знаете, что-то жалко стало. Сидит она, как воробушек, – съёжилась, нахохлилась, куда ж её, думаю, такую маленькую, на ночь глядя гнать. Её ведь, такую пичужку, и в самом деле собаки могут загрызть. Я думаю: «Ладно, так уж и быть, завтра выгоню. Пускай выпится у меня, отдохнёт, а завтра утречком – до свиданьица, иди откуда пришла!..»

Подумал я так и стал ей готовить постель. Положил на стул подушку, на подушку – ещё подушечку, маленькую, из-под булавок у меня такая была. Потом уложил Феньку, укрыл её вместо одеяла салфеткой.

– Спи, – говорю. – Спокойной ночи!

Она сразу и захрапела.

А я посидел немножко, почитал и тоже спать лёг.

Утром, как только проснулся, пошёл посмотреть, как там моя Фенька поживает. Прихожу, смотрю – на стуле ничего нет. Ни Феньки нет, ни подушки нет, ни салфетки... Вижу – лежит моя Фенечка под стулом, подушка у неё под ногами, голова на полу, а салфетки – так той и вовсе не видно.

Я разбудил её, говорю:

– Где салфетка?

Она говорит:

– Какая салфетка?

Я говорю:

– Такая салфетка. Которую я тебе давеча вместо одеяла устроил.

Она говорит:

– Не знаю.

– Как это не знаешь?

– Честное слово, не знаю.

Стали искать. Я ищу, а Фенька мне помогает. Ищем, ищем – нету салфетки.

Вдруг Фенька мне говорит:

– Слушайте, не ищите, ладно. Я вспомнила.

– Что, – я говорю, – ты вспомнила?

– Я вспомнила, где салфетка.

– Ну, где?

– Я её нечаянно скушала.

Ох, рассердился я, закричал, ногами затопал.

– Обжора ты этакая, – говорю, – утроба ты ненасытная! Ведь этак же ты мне весь дом сожрёшь.

Она говорит:

– Я не нарочно.

– Как это не нарочно? Нечаянно салфетку съела? Да?

Она говорит:

– Я ночью проснулась, мне есть захотелось, а вы мне ничего не оставили. Вот сами и виноваты.

Ну, я с ней, конечно, спорить не стал, плюнул и ушёл на кухню завтрак готовить. Себе сделал яичницу, кофе сварил, бутербродов намазал. А Феньке – нарезал газетной бумаги, накрошил туалетного мыла и сверху всё это керосинчиком полил. Приношу этот винегрет в комнату, смотрю – моя Фенька полотенцем лицо вытирает. Я испугался, мне показалось, что она ест полотенце. Потом вижу – нет, лицо вытирает.

Я у неё спрашиваю:

– Ты где воду брала?

Она говорит:

– Какую воду?

Я говорю:

– Такую воду. Одним словом, где ты мылась?

Она говорит:

– Я ещё не мылась.

– Как не мылась? Так чего ж ты тогда вытираешься?

– А я, – говорит, – всегда так. Я сначала вытрись, а потом вымоюсь.

Я только рукой махнул.

– Ну, – говорю, – ладно, садись, ешь скорей – и до свиданьица!

Она говорит:

– Как это «до свиданьица»?

– Да так, – говорю. – Очень просто. До свиданьица. Надоела ты мне, голубушка. Уходи поскорее, откуда пришла.

И вдруг вижу – моя Феня как задрожит, как затрясётся. Кинулась ко мне, за ногу меня схватила, обнимает, целует, а у самой из глазёнок слёзы так и текут.

– Не гоните меня, – говорит, – пожалуйста! Я хорошая буду. Пожалуйста! Прошу вас! Если вы меня кормить будете, я никогда ничего – ни одного гвоздика, ни одной пуговки – без спросу не съем.

Ну, одним словом, мне её опять жалко стало.

Детей у меня тогда не было. Жил я один. Вот я и подумал: «Что ж, не объест ведь меня эта пигалица. Пускай, – думаю, – погостит у меня немножко. А там видно будет».

– Ладно, – говорю, – так уж и быть. В последний раз тебя прощаю. Но только смотри у меня...

Она сразу повеселела, запрыгала, замурлыкала.

Потом я ушёл на работу. А перед тем как уйти на работу, я сходил на рынок и купил полкило маленьких сапожных гвоздей. Штук десять я оставил Феньке, а остальные положил в ящик и ящик закрыл на ключ.

На работе я всё время о Феньке думал. Беспокоился. Как она там? Что делает? Не натворила ли чего-нибудь?

Прихожу домой – Фенька сидит на окне, мух ловит. Увидела меня, обрадовалась, в ладошки захлопала.

– Ой, – говорит, – наконец-то! Как я рада!

– А что? – говорю. – Скучно было?

– Ой, как скучно! Прямо не могу, до чего скучно!

Взял её на руки. Говорю:

– Есть, наверно, хочешь?

– Нет, – говорит. – Ни капельки. У меня ещё три гвоздя от завтрака осталось.

«Ну, – думаю, – если три гвоздя осталось, значит, всё в порядочке, значит, она ничего лишнего не съела».

Я похвалил её за хорошее поведение, немножко с ней поиграл, потом занялся своими делами.

Мне нужно было написать несколько писем. Я сажусь за письменный стол, открываю чернильницу, гляжу – чернильница у меня пустая. Что такое? Ведь я только третьего дня чернила туда наливал.

– А ну, – говорю, – Фенька! Иди сюда!

Она прибегает.

– Да? – говорит.

Я говорю:

– Ты не знаешь, куда у меня чернила девались?

– А что?

– Да ничего. Знаешь или не знаешь?

Она говорит:

– Если вы ругаться не будете, тогда скажу.

– Ну?

– Не будете ругаться?

– Ну, не буду.

– Я их выпила.

– Как выпила?! Ты же мне, – я говорю, – обещала...

Она говорит:

– Я обещала вам не есть ничего. А не пить я не обещала. И вы, – говорит, – опять сами виноваты. Зачем вы мне таких солёных гвоздей купили? От них пить хочется.

Ну вот – поговорите вы с ней! Опять я виноват. Я думаю: что же мне делать? Ругаться? Да нет, руганью тут делу не поможешь. Думаю: надо ей какую-нибудь работу, какое-нибудь занятие найти. Это она от безделья глупостями занимается. А когда я её работать заставлю, ей некогда будет дурака-то валять.

И вот на другой день утром я ей даю метёлку и говорю:

– Вот, Феня, я уйду на работу, а ты пока делом займись: прибери комнату, пол подмети, пыль вытри. Сумеешь?

Она даже засмеялась.

– Эва, – говорит, – невидаль. Что ж тут не суметь? Конечно, сумею.

Вечером я прихожу, смотрю: в комнате – пыль, грязь, на полу бумажки валяются.

– Эй, Фенька! – кричу.

Она из-под кровати вылезает.

- Да? – говорит. – В чём дело?
- Ты почему это пол не подмела?
- Как это почему?
- Вот именно: почему?
- А чем, – говорит, – его подметать?
- Метёлкой.

Она говорит:

- Нету метёлки.
- Как это нету?
- Очень просто: нету.
- Куда же она девалась?

Молчит. Носом сопит. Значит, дело неладно.

Я говорю:

- Съела?
- Да, – говорит. – Съела.

Я так на стул и упал. Я даже рассердиться позабыл.

Я говорю:

- Чудовище! Да как же это ты умудрилась метёлку слопать?

Она говорит:

- Я, честное слово, даже сама не знаю. Как-то незаметно, по одному прутику...

– Ну, что же, – я говорю, – мне теперь делать? Железную метёлку для тебя, что ли, заказывать?

- Нет, – говорит.
- Что «нет»?
- Нет, – говорит, – я и железную съем.

Тогда я подумал немного и говорю:

- Ладно. Я знаю, что я с тобой сделаю. С завтрашнего дня я буду тебя в чемодан прятать.

Ты чемодан-то, надеюсь, не съешь?

- Нет, – говорит, – не съем. Он пыльный. Вымойте его – тогда съем.
- Ну нет, – говорю. – Спасибо. Не надо. Уж лучше пускай он пыльный стоит.

И на другой день я посадил Феньку в маленький кожаный чемодан. Она ничего – не плакала, не пищала. Только попросила, чтобы я просверлил несколько дырочек для воздуха.

Я взял ножницы и сделал три дырки. И с тех пор Фенька так там и живёт, у меня в чемодане.

Конечно, выросла немножко за это время: была с большой палец, теперь – с указательный. Но живётся ей неплохо. Даже уютно. Теперь я и окошечко там сделал, в её домике. Спит она на маленьком диванчике. Обедает за маленьким столиком. И даже маленький-маленький – вот такой – телевизорчик там стоит.

Так что вы её не жалеите, Феньку. А лучше приходите ко мне как-нибудь в гости, и я вас непременно с ней познакомлю.

1938–1967

Карусели

Один раз мы с Машей сидели у меня в комнате и занимались каждый своим делом. Она готовила уроки, а я писал рассказ. И вот написал я две или три странички, устал немножко, потянулся и несколько раз зевнул. И Маша мне сказала:

– Ой, папа! Ты же не так делаешь!..

Я, конечно, удивился:

– То есть что я не так делаю? Зеваю не так?

– Нет, зеваешь ты правильно, а вот потягиваешься не так.

– Как это не так?

– Да. Вот именно, не так.

И она мне показала. Это, наверно, вы все знаете. Это все школьники и дошколята знают. Во время занятий воспитательница объявляет маленькую передышку, ребята встают и хором читают такие стихи:

Ветер дует нам в лицо.
Закачалось деревцо.
– Ветер, тише, тише, тише!
Деревцо растёт всё вы-ы-ыше!

И при этом все руками показывают, как ветер дует в лицо, как дерево качается и как оно потом растёт всё выше и выше, до самого неба.

Мне это, сказать по правде, понравилось. И с тех пор всякий раз, когда нам с Машей приходилось работать вместе, мы каждые полчаса проделывали с ней это упражнение – качались, вытягивались и дули себе в лицо. Но потом нам надоело играть в одно и то же. И мы придумали немножко похожую, но другую игру. Попробуйте, может быть, кое-кому из вас тоже понравится?

Станьте лицом к своему соседу. Хлопайте один другого крест-накрест ладонь в ладонь. И громко все вместе читайте:

Карусели, карусели!
Мы с тобою в лодку сели
И по-е-ха-ли!..

А когда поехали, показывайте, как это было, – работайте вёслами.

А дальше вот так:

Карусели, карусели!
Мы с тобой на лошадь сели
И по-е-ха-ли!..

Теперь скачите верхом. Гоп! Гоп! Подстёгивайте лошадку, только не сильно, не больно. Если не устали – поехали дальше:

Карусели, карусели!
Мы с тобой в машину сели
И по-е-ха-ли!

Крутите баранку. Здорово несётся наша «Волга». Можно даже, пожалуй, бибикнуть:

Би-би-и-и-и!
Би-и-и-и!

А карусель наша всё крутится и вертится, всё шибче и шибче. Куда же ещё? Ага! Придумали!

Карусели,
Карусели!
В самолёт
С тобой мы сели
И по-е-ха-ли!

Руки в стороны! Самолёт готов. Полетели!.. Ура-а!.. Самолёт хорошо, а ракета лучше.
А ну:

Карусели, карусели!
Мы с тобой в ракету сели
И по-е-ха-ли!!!

Руки над головой. Кончики пальцев соедините вместе. Присели! К запуску приготовиться! Зззиг! Полетели! Только не пробейте потолок, а то и в самом деле в космос улетите.

А если останетесь на земле, тогда можете и на санках покататься, и на самокате, и ещё на чём-нибудь... Это уж вы сами придумайте!

1967

Свинка

Жила-была свинка.

Свинка как свинка: на спинке щетинка, хвост крючком, нос пяточком – всё как полагается.

Только на спинке у свинки была дырочка.

А в эту дырочку дети кидали денежки.

У кого копейка – тот копейку.

У кого две копейки – тот две копейки.

У кого три копейки – тот три копейки.

У кого четыре копейки – тот четыре копейки.

У кого пять копеек – тот пять копеек.

У кого шесть копеек – тот шесть копеек.

У кого семь копеек – тот семь копеек.

У кого восемь копеек – тот восемь копеек.

У кого девять копеек – тот девять копеек.

А у кого целый гривенник – так тот целый гривенник и кидает.

А свинка не зевает, знай себе спинку подставляет и денежку за денежкой глотает:

– Копейка? Давай копейку.

– Две копейки? Давай две копейки.

– Три копейки? Давай три копейки.

– Четыре копейки? Давай четыре копейки.

– Пять копеек? Давай пять копеек.

– Шесть копеек? Давай шесть копеек.

– Семь копеек? Давай семь копеек.

– Восемь копеек? Давай восемь копеек.

– Девять копеек? Давай девять копеек.

А если гривенник – так давай и гривенник. Она и от гривенника не откажется.

Вот она жила-жила, эта свинка, толстела-толстела, наконец ей надоело, она говорит:

– Открывайте меня! Я – полная!

Дети копилку открыли, посмотрели, а там – целая куча денег. И серебро. И медяки. И копейки. И пятаки. Двадцать гривенников. Тридцать двугривенных. Сорок пятиалтынных. Один старый серебряный рубль. И одна оловянная пуговица.

Стали дети думать, что бы им на эти деньги купить. Думали, думали – ничего придумать не могут.

Один говорит:

– Пушку!

Другой говорит:

– Петрушку!

Третий говорит:

– Лошадку!

Четвёртый говорит:

– Шоколадку!

Пятый говорит:

– Удочку!

Шестой говорит:

– Дудочку!

Седьмой говорит:

– Пожарную каску.

Восьмой говорит:

– Противогазовую маску!

Девятый говорит:

– Салазки!

Десятый говорит:

– Лучше кисточку и краски!..

А свинка стояла-стояла, молчала-молчала, а потом вдруг и говорит:

– Послушайте меня, умную хрюшку. Не покупайте вы ни пушку и ни Петрушку. А возьмите вы лучше корзинку, погуляйте по колхозному рынку – и купите ещё одну свинку. А то мне, вы знаете, одной стоять скучно-скучно.

Дети подумали, да так и сделали.

Пошли они на колхозный рынок, поискали хороших свинок и купили – самую расхорошую.

А чтобы свинкам было совсем весело, купили ещё двенадцать маленьких поросят.

Вот они теперь все и стоят – в один ряд.

Хвостики у них у всех крючком, носики пяточком.

Стоят себе и похрюкивают.

1939

Задача с яблоками

Нам из Гомеля тётя
Ящик яблок прислала.
В этом ящике яблок
Было, в общем, немало.

Начал яблоки эти
Спозаранок считать я,
Помогали мне сёстры,
Помогали мне братья...
И пока мы считали,
Мы ужасно устали,
Мы устали, присели
И по яблочку съели.

И осталось их – сколько?
А осталось их столько,
Что пока мы считали —
Восемь раз отдыхали,
Восемь раз мы сидели
И по яблочку ели.

И осталось их – сколько?
Ох, осталось их столько,
Что, когда в этот ящик
Мы опять поглядели,
Там на дне его чистом
Только стружки белели...

Только стружки-пеструшки,
Только стружки белели.
Вот прошу угадать я
Всех ребят и девчонок:
Сколько было нас, братьев,
Сколько было сестрёнок?
Поделили мы яблоки
Все без остатка.
А всего-то их было —
Пятьдесят без десятка.

Трус

Дело было в Крыму. Один приезжий мальчик пошёл на море ловить удочкой рыбу. А там был очень высокий, крутой, скользкий берег. Мальчик начал спускаться, потом посмотрел вниз, увидел под собой огромные острые камни и испугался. Остановился и с места не может сдвинуться. Ни назад, ни вниз. Вцепился в какой-то колючий кустик, сидит на корточках и дышать боится.

А внизу, в море, в это время колхозник-рыбак ловил рыбу. И с ним в лодке была девочка, его дочка. Она всё видела и поняла, что мальчик трусит. Она стала смеяться и показывать на него пальцем.

Мальчику было стыдно, но он ничего не мог с собой сделать. Он только стал притворяться, будто сидит просто так и будто ему очень жарко. Он даже снял кепку и стал ею махать около своего носа.

Вдруг подул ветер, вырвал у мальчика из рук удочку и бросил её вниз.

Мальчику было жаль удочки, он попробовал ползти вниз, но опять у него ничего не вышло. А девочка всё это видела. Она сказала отцу, тот посмотрел наверх и что-то сказал ей.

Вдруг девочка прыгнула в воду и зашагала к берегу. Взяла удочку и пошла обратно к лодке.

Мальчик так рассердился, что забыл всё на свете и кубарем покатился вниз.

– Эй! Отдавай! Это моя удочка! – закричал он и схватил девочку за руку.

– На, возьми, пожалуйста, – сказала девочка. – Мне твоя удочка не нужна. Я нарочно её взяла, чтобы ты слез вниз.

Мальчик удивился и говорит:

– А ты почём знала, что я слезу?

– А это мне папа сказал. Он говорит: если трус, то, наверно, и жадина.

1941

Как поросёнок говорить научился

Один раз я видел, как одна совсем маленькая девочка учила поросёнка говорить. Поросянок ей попался очень умный и послушный, но почему-то говорить по-человечески он ни за что не хотел. И девочка как ни старалась – ничего у неё не выходило.

Она ему, я помню, говорит:

– Поросёночек, скажи: «мама»!

А он ей в ответ:

– Хрю-хрю.

Она ему:

– Поросёночек, скажи: «папа»!

А он ей:

– Хрю-хрю.

Она:

– Скажи «дерево»!

А он:

– Хрю-хрю.

– Скажи: «цветочек»!

А он:

– Хрю-хрю.

– Скажи: «здравствуйте»!

А он:

– Хрю-хрю.

– Скажи: «до свидания»!

А он:

– Хрю-хрю.

Я смотрел-смотрел, слушал-слушал, мне стало жалко и поросёнка и девочку. Я говорю:

– Знаешь что, голубушка, ты бы ему всё-таки что-нибудь попроще велела сказать. А то ведь он ещё маленький, ему трудно такие слова произносить.

Она говорит:

– А что же попроще? Какое слово?

– Ну, попроси его, например, сказать: «хрю-хрю».

Девочка немножко подумала и говорит:

– Поросёночек, скажи, пожалуйста: «хрю-хрю»!

Поросянок на неё посмотрел и говорит:

– Хрю-хрю!

Девочка удивилась, обрадовалась, в ладоши захлопала.

– Ну вот, – говорит, – наконец-то! Научился!

1962

Буква «ты»

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только самая последняя буква – «я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал как следует её рассмотреть и сказал:

– А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

– Ты?

– Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я».

– Буква ты?

– Да не «ты», а «я».

Она ещё больше удивилась и говорит:

– Я и говорю: ты.

– Да не я, а буква «я».

– Не ты, а буква ты?

– Ох, Иринушка, Иринушка! Наверное, мы, голубушка, с тобой немного переучились.

Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется: «я»?

– Нет, – говорит, – почему не понимаю? Я понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Это не ты, а это буква так называется: «ты».

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я – это не я, ты – не ты, она – не она и что вообще «я» – это только буква?

– Ну, вот что, – сказал я наконец, – ну, давай скажи как будто про себя: я! Понимаешь?

Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

– Говорить?

– Ну, ну... Конечно.

Вижу – молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

– Ну, что же ты?

– Я сказала.

– А я не слышал, что ты сказала.

– Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

– Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шепотом – на ухо мне:

– Ты!..

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже всё кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварём, искоса поглядывала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бестолковая. Но и мне тоже было стыдно, что я – большой человек – не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал всё-таки. Я быстро подошёл к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

– Это кто?

Она говорит:

– Это я.

– Ну вот... Понимаешь? А это буква «я»!

Она говорит:

– Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат, и носик сморщился – вот-вот заплачет.

– Что же ты, – я спрашиваю, – понимаешь?

– Понимаю, – говорит, – что это я.

– Правильно! Молодец! А это вот буква «я». Ясно?

– Ясно, – говорит. – Это буква ты.

– Да не ты, а я!

– Не я, а ты.

– Не я, а буква «я»!

– Не ты, а буква «ты».

– Не буква «ты», Господи Боже мой, а буква «я»!

– Не буква «я», Господи Боже мой, а буква «ты»!

Я опять вскочил и опять забегал по комнате.

– Нет такой буквы! – закричал я. – Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

– Ты, ты, ты, – пролепетала она, едва разжимая губы. Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко её.

– Хорошо, – сказал я. – Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня – хватит.

Она кое-как запихала в сумочку своё барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая, вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнём через эту проклятую букву «я»?

«Ладно, – решил я. – Забудем о ней. Ну её. Начнём следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринушка, весёлая и покрасневшая после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил её за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

– А ну, сударыня, давайте-ка почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поёрзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло и не переводя дыхания, прочла:

– Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

– Что такое?! Какому Тыкову? Какое тыблоко? Что ещё за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там чёрным по белому написано:

«Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

– Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

– Яблоко? Так, значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну, конечно, „я“». А потом спохватился и думаю: „Нет, голубушка. Знаем мы вас. Если скажу „я“ – значит, опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадемся“.»

И я сказал:

– Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь! Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем бы всё это кончилось. И, может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы – вместо «яблоко» – тыблоко, вместо «ярмарка» – тырмарка, вместо «якорь» – тыкорь и вместо «язык» – тызык. А Иринушка, слава Богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

1945

Рассказы о детях

Честное слово

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живёт, и кто его папа и мама. В потёмках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких лялочках, которые перекидываются через плечи и застёгиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашёл в садик, – я не знаю, как он называется, – на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил вечер.

Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я захлопнул книгу, поднялся и пошёл к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шёл очень быстро. Вдруг я остановился. Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку – там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах; какая-то будка или сторожка. А около её стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошёл и окликнул его:

– Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Ничего.

– Как это ничего? Тебя кто обидел?

– Никто.

– Так чего ж ты плачешь?

Ему ещё трудно было говорить, он ещё не проглотил всех слёз, ещё всхлипывал, икал, шмыгал носом.

– Давай пошли, – сказал я ему. – Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдернул руку и сказал:

- Не могу.
 - Что не можешь?
 - Идти не могу.
 - Как? Почему? Что с тобой?
 - Ничего, – сказал мальчик.
 - Ты что – нездоров?
 - Нет, – сказал он, – здоров.
 - Так почему ж ты идти не можешь?
 - Я – часовой, – сказал он.
 - Как часовой? Какой часовой?
 - Ну, что вы – не понимаете? Мы играем.
 - Да с кем же ты играешь?
- Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:
- Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверно, мальчик всё-таки болен и что у него голова не в порядке.

– Послушай, – сказал я ему. – Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь – с кем?

– Да, – сказал мальчик. – Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: «Хочешь играть в войну?» Я говорю: «Хочу». Стали играть, мне говорят: «Ты сержант». Один большой мальчик... он маршал был... он привёл меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад – в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: «Дай честное слово, что не уйдёшь».

- Ну?
- Ну, я и сказал: «Честное слово – не уйду».
- Ну и что?
- Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.
- Так, – улыбнулся я. – А давно они тебя сюда поставили?
- Ещё светло было.
- Так где же они?

Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:

- Я думаю – они ушли.
- Как ушли?
- Забыли.
- Так чего ж ты тогда стоишь?
- Я честное слово сказал...

Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось – хоть лопни. А игра это или не игра – всё равно.

- Вот так история получилась! – сказал я ему. – Что же ты будешь делать?
- Не знаю, – сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул, взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где ж их сейчас найдёшь, этих мальчишек?...

Они уж небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят.

А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось...

- Ты, наверно, есть хочешь? – спросил я у него.
- Да, – сказал он, – хочу.
- Ну, вот что, – сказал я, подумав. – Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

– Да, – сказал мальчик. – А это можно разве?

– Почему же нельзя?

– Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

– Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла счастливая мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чём же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я ничего не сказал мальчику, только сказал: «Подожди минутку», – а сам, не теряя времени, побежал к выходу...

Ворота ещё не были закрыты, ещё сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.

Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдёт ли мимо какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице. Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то чёрные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошёл высокий железнодорожник в очень красивой шинели с зелёными нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел несолоно хлебавши возвращаться в сад, как вдруг увидел – за углом, на трамвайной остановке – защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, ещё никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Сломая голову я побежал к остановке. И вдруг, не успев добежать, вижу – к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.

Запыхавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

– Товарищ майор! Минуточку! Подождите! Товарищ майор!

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

– В чём дело?

– Видите ли, в чём дело, – сказал я. – Тут, в саду, около каменной будки, на часах стоит мальчик... Он не может уйти, он дал честное слово... Он очень маленький... Он плачет...

Командир хлопал глазами и посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

– При чём же тут я? – сказал он.

Трамвай его ушёл, и он смотрел на меня очень сердито. Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чём дело, он не стал раздумывать, а сразу сказал:

– Идёмте, идёмте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскивали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять – но на этот раз очень тихо – плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

– Ну вот, я привёл начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

– Товарищ караульный, – сказал командир, – какое вы носите звание?

– Я – сержант, – сказал мальчик.

– Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

– А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звёздочек...

– Я – майор, – сказал командир.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

– Есть, товарищ майор. Приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались.

И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроём выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

– Молодец, товарищ сержант, – сказал он. – Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания.

Мальчик что-то пробормотал и сказал: «До свиданья».

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

– Может быть, тебя проводить? – спросил я у него.

– Нет, я близко живу. Я не боюсь, – сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему действительно нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Ещё не известно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я ещё раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

1941

Новенькая

На улицах ещё не совсем рассвело, и синие лампочки ещё горели у подъездов и над воротами домов, а Володька Бессонов уже бежал в школу. Бежал он очень быстро – во-первых, потому, что на улице было холодно: говорят, что таких морозов, как в этом, 1940 году, в Ленинграде не было уже сто лет; а во-вторых, Володьке очень хотелось самым первым явиться сегодня в класс. Вообще-то он не был особенно прилежным и выдающимся мальчиком. В другое время он, пожалуй, и опоздать не постеснялся бы. А тут – в первый день после каникул – было почему-то здорово интересно прийти именно первым и потом на каждом шагу и где только можно говорить:

– А вы знаете, я сегодня первый пришёл!..

Он даже не остановился, чтобы посмотреть на огромные, выкрашенные в белую краску танки, которые, покачиваясь и оглушительно громяхая, проходили в это время по улице. Да это было и не очень-то интересно – танков теперь в городе было, пожалуй, побольше, чем трамваев.

На одну минуту только остановился Володька на углу – послушать радио. Передавали оперативную сводку штаба Ленинградского военного округа. Но и тут ничего интересного не было сегодня: поиски разведчиков и на отдельных участках фронта ружейно-пулемётная и артиллерийская перестрелка...

В раздевалке тоже ещё горела синяя лампочка. Старая нянюшка дремала, положив голову на деревянный прилавок, около пустых вешалок.

– Здрости, нянечка! – заорал Володька, кидая свой портфель на прилавок.

Старуха испуганно вскочила и захлопала глазами.

– С добрым утром вас! Хорошего аппетита! – затараторил Володька, снимая пальто и галоши. – Что? Не ждали? А я ведь, вы знаете, первый пришёл!!!

– А вот и врѣшь, балаболка, – сказала старуха, потягиваясь и зевая.

Володька оглянулся и увидел на соседней вешалке маленькое девичье пальто с белым, кошачьим или заячьим, воротником.

«Эх, надо же! – подумал он с досадой. – Какая-то фыффра обскакала на полкилометра...»

Он попытался по виду определить, чьё это пальто. Но что-то не мог вспомнить, чтобы у какой-нибудь девочки в их классе было пальто с заячьим воротником.

«Значит, это из другого класса девчонка, – подумал он. – Ну, а из чужого класса не считается. Всё равно я первый».

И, пожелав нянюшке «спокойной ночи», он подхватил свой портфель и поскакал наверх.

* * *

... В классе за одной из первых парт сидела девочка. Это была какая-то совсем незнакомая девочка – маленькая, худенькая, с двумя белокурыми косичками и с зелёными бантиками на них. Увидев девочку, Володька подумал, что он ошибся и заскочил не в свой класс. Он даже попятился обратно к двери. Но тут он увидел, что класс этот – никакой не чужой, а его собственный, четвёртый класс – вон на стене висит рыжий кенгуру с поднятыми лапами, вон коллекция бабочек в ящике за стеклом, вон его собственная, Володькина, парта.

– С добрым утром! – сказал Володька девочке. – Хорошего аппетита. Как вы сюда попали?

– Я – новенькая, – сказала девочка очень тихо.

– Ну? – удивился Володька. – А почему – зимой? А чего ж ты так рано?

Девочка ничего не сказала и пожала плечами.

– Может быть, ты не в тот класс пришла? – сказал Володька.

– Нет, в этот, – сказала девочка. – В четвёртый «Б».

Володька подумал, почесал затылок и сказал:

– Чур, я тебя первый увидел.

Он прошёл к своей парте, внимательно осмотрел её, потрогал для чего-то крышку, – всё было в порядке; и крышка открывалась и закрывалась, как полагается.

В это время в класс вошли две девочки. Володька захлопнул парту и закричал:

– Кумачёва, Шмулинская! Здравствуйте! С добрым утром! У нас новенькая!.. Я её первый увидел...

Девочки остановились и тоже с удивлением посмотрели на новенькую.

– Правда? Новенькая?

– Да, – сказала девочка.

– А почему ты зимой? А как тебя зовут?

– Морозова, – сказала девочка.

Тут появилось ещё несколько человек. Потом ещё.

И всем Володька объявлял:

– Ребята! У нас новенькая! Её зовут Морозова. Я её первый увидел.

Новенькую обступили. Стали разглядывать, расспрашивать. Сколько ей лет? И как её зовут? И почему она зимой поступает в школу?

– Я не тутэшня – потому, – сказала девочка.

– Что значит «не тутэшня»? Ты что – не русская?

– Нет, русская. Только я с Украины приехала.

– С какой? С Западной?

– Нет. С Восточной, – сказала девочка.

Отвечала она очень тихо и коротко и, хотя не смущалась нисколько, была какая-то грустная, рассеянная, и всё время казалось, что ей хочется вздохнуть.

– Морозова, хочешь, давай будем сидеть со мной? – предложила ей Лиза Кумачёва. – У меня место свободное.

– Давай, всё равно, – сказала новенькая и пересела на Лизину парту.

В этот день почти весь класс явился раньше, чем обычно. Каникулы в этом году тянулись почему-то необыкновенно долго и томительно.

Ребята не виделись всего две недели, но за это время у каждого накопилось новостей больше, чем в другое время за всё лето.

Волька Михайлов ездил с отцом в Териоки, видел взорванные и сожжённые дома и слышал – правда, издали – настоящие артиллерийские выстрелы. У Любы Казанцевой бандиты ограбили сестру, сняли с неё меховую жакетку, когда она возвращалась вечером домой с фабрики. У Жоржика Семёнова ушёл добровольцем на войну с белофиннами брат, известный лыжник и футболист. А у Володьки Бессонова хотя своих новостей и не было, зато он «своими ушами» слышал, как в очереди одна старуха говорила другой, будто «своими глазами» видела, как в Парголове около кладбища постовой милиционер сбил из нагана финский бомбардировщик...

Володьке не поверили, знали, что он балаболка, но всё-таки дали ему поврать, потому что всё-таки это было интересно и потому ещё, что он очень смешно об этом рассказывал.

Заговорившись, ребята забыли о новенькой и не заметили, как прошло время. А за окнами уже совсем рассвело, и вот в коридоре зазвенел звонок, зазвенел как-то особенно – громко и торжественно.

Ребята быстрее, чем обычно, расселись по партам. В это время в класс вбежала запыхавшаяся длинноногая Вера Макарова.

– Ребята! – закричала она. – Вы знаете... Новость!..

– Что? Что такое? Какая? – закричали вокруг.

– Вы знаете... у нас... у нас... новенькая...

– Ха! – захохотали ребята. – Новость! Давно без тебя знаем...

– Новенькая учительница, – сказала Вера.

– Учительница?

– Ага. Вместо Элеоноры Матвеевны будет. Ой, вы бы видели! – Вера всплеснула своими длинными руками. – Хорошенькая... Молоденькая... Глаза голубые, а волосы...

Ей не пришлось дорисовывать портрет новой учительницы. Открылась дверь, и на пороге появилась она сама – действительно очень молодая, голубоглазая, с двумя золотистыми косами, заплетёнными, как венок, вокруг головы.

Ребята поднялись ей навстречу, и в тишине какая-то девочка громко прошептала своей соседке:

– Ой, и правда, какая хорошенькая!..

Учительница чуть заметно улыбнулась, подошла к своему столику, положила портфель и сказала:

– Здравствуйте, ребята. Вот вы какие! А мне говорили, что вы – маленькие. Садитесь, пожалуйста.

Ребята сели. Учительница прошла по классу, остановилась, опять улыбнулась и сказала:

– Ну, давайте познакомимся. Меня зовут Елизавета Ивановна. А вас?

Ребята засмеялись. Учительница прошла к столу и раскрыла журнал.

– О, да вас тут много. Ну, давайте всё-таки знакомиться. Антонова – кто это?

– Я! – сказала Вера Антонова, поднимаясь.

– Ну, расскажи мне немножко о себе, – сказала учительница, присаживаясь к столу. – Как тебя зовут? Кто твои папа и мама? Где ты живёшь? Как ты учишься?

– Учусь – ничего, хорошо, – сказала Вера.

Ребята зафыркали.

– Ну, садись, – усмехнулась учительница. – Поживём – увидим. Следующий – Барина!

– Я!

– А тебя как зовут?

Барина сказала, что её зовут Тамара, что живёт она в соседнем доме, что мама у неё буфетчица, а папа умер, когда она ещё была маленькая.

Пока она это рассказывала, Володька Бессонов нетерпеливо ёрзал на своей парте. Он знал, что его фамилия – следующая, и не мог дождаться очереди.

Не успела учительница вызвать его, как он вскочил и затараторил:

– Меня зовут Володя. Мне одиннадцать лет. Мой папа – парикмахер. Я живу угол Обводного канала и Боровой. У меня есть собака Тузик...

– Тихо, тихо, – улыбнулась учительница. – Ладно, садись, хватит, о Тузике ты мне после расскажешь. А то я с твоими товарищами не успею познакомиться.

Так она постепенно, по алфавиту, опросила полкласса. Наконец подошла очередь новенькой.

– Морозова! – выкликнула учительница.

Со всех сторон закричали:

– Это новенькая! Елизавета Ивановна, она новенькая. Она сегодня первый раз.

Учительница внимательно посмотрела на маленькую, худенькую девочку, поднявшуюся из-за своей парты, и сказала:

– Ах, вот как?

– Елизавета Ивановна! – закричал Володька Бессонов, поднимая руку.

– Ну, что?

– Елизавета Ивановна, эта девочка новенькая. Её зовут Морозова. Я её сегодня первый увидел...

– Да, да, – сказала Елизавета Ивановна. – Мы уже слышали об этом. Ну, что ж, Морозова, – обратилась она к новенькой, – расскажи и ты нам о себе. Это будет интересно не только мне, но и твоим новым товарищам.

Новенькая тяжело вздохнула и посмотрела куда-то в сторону, в угол.

– Меня зовут Валя, – сказала она. – Мне будет скоро двенадцать лет. Я родилась у Киеви и там жила – с папой и мамой. А потом...

Тут она запнулась и совсем тихо, одними губами сказала:

– Потом мой папа...

Что-то мешало ей говорить.

Учительница вышла из-за стола.

– Хорошо, Морозова, – сказала она, – хватит. Ты после расскажешь.

Но было уже поздно. У новенькой задрожали губы, она повалилась на парту и громко, на весь класс заплакала.

Ребята повскакали со своих мест.

– Что с тобой? Морозова! – крикнула учительница.

Новенькая не отвечала. Она уткнулась лицом в сложенные на парте руки и делала всё, чтобы сдержать слёзы, но, как ни старалась, как ни сжимала зубы, – слёзы всё текли и текли, и плакала она всё громче и всё безутешнее.

Учительница подошла к ней и положила руку ей на плечо.

– Ну, Морозова, – сказала она, – милая, ну, успокойся...

– Елизавета Ивановна, может быть, она больная? – сказала ей Лиза Кумачёва.

– Нет, – ответила учительница.

Лиза взглянула на неё и увидела, что учительница стоит, закусив губу, и что глаза у неё стали мутные, и что она тяжело и порывисто дышит.

– Морозова... не надо, – сказала она и погладила новенькую по голове.

В это время за стеной зазвенел звонок, и учительница, ни слова не сказав, повернулась, подошла к своему столу, взяла портфель и быстро вышла из класса.

Новенькую со всех сторон окружили. Стали её теребить, уговаривать, успокаивать. Кто-то побежал в коридор за водой, и когда она, стуча зубами, сделала несколько глотков из жестяной кружки, она успокоилась немножко и даже сказала «спасибо» тому, кто ей принёс воду.

– Морозова, ты что? Что с тобой? – спрашивали вокруг.

Новенькая не отвечала, всхлипывала, глотала слёзы.

– Да что с тобой? – не отставали ребята, наседая со всех сторон на парту.

– Ребята, уйдите! – отталкивала их Лиза Кумачёва. – Ну, как вам не стыдно! Мало ли... может быть, у неё кто-нибудь умер.

Эти слова подействовали и на ребят и на новенькую. Новенькая опять повалилась на парту и ещё громче заплакала, а ребята смутились, замолчали и стали понемногу расходиться.

Когда, после звонка, Елизавета Ивановна снова появилась в классе, Морозова уже не всхлипывала, только изредка шмыгала носом и сжимала в руке маленький, промокший до последней ниточки платок.

Учительница ей ничего больше не сказала и сразу же приступила к уроку.

Вместе со всем классом новенькая писала диктовку. Собирая тетради, Елизавета Ивановна остановилась около её парты и негромко спросила:

– Ну как, Морозова?

– Хорошо, – пробурчала новенькая.

– Может быть, тебе лучше всё-таки пойти домой?

– Нет, – сказала Морозова и отвернулась.

Больше за весь день Елизавета Ивановна к ней не обращалась и не вызывала её ни на русском, ни на арифметике. Товарищи тоже оставили её в покое.

В конце концов, что тут такого особенно интересного в том, что маленькая девочка заплакала на уроке? О ней просто забыли. Только Лиза Кумачёва почти каждую минуту спрашивала у неё, как она себя чувствует, и новенькая или говорила ей «спасибо», или ничего не отвечала, а только кивала головой.

Кое-как досидела она до конца уроков, и не успел отзвенеть последний звонок, как она торопливо собрала свои книжки и тетради, затянула их ремешком и побежала к выходу.

У вешалки, постукивая номерком о прилавок, уже стоял Володька Бессонов.

– Вы знаете, нянечка, – говорил он, – у нас в классе новенькая. Её зовут Морозова. Она с Украины приехала. С Восточной... Вот она! – сказал он, увидев Морозову. Потом посмотрел на неё, сморщил нос и сказал: – Что, плакса-вакса, не удалось обскакать? Я всё-таки первый ухожу. Да-с...

Новенькая взглянула на него с удивлением, а он прищёлкнул языком, повернулся на каблуках и стал натягивать пальто – как-то по-особенному, всовывая руки в оба рукава сразу.

Из-за Володьки новенькой не удалось уйти незамеченной из школы. Пока она одевалась, в раздевалке набился народ.

Застёгивая на ходу коротенькое пальтецо с белым заячьим воротником, она вышла на улицу. Почти следом за ней выбежала на улицу Лиза Кумачёва.

– Морозова, тебе в какую сторону? – сказала она.

– Мне – сюда, – показала налево новенькая.

– Ой, по пути значит, – сказала Лиза, хотя идти ей нужно было совсем в другую сторону. Просто ей очень хотелось поговорить с новенькой.

– Ты на какой улице живёшь? – спросила она, когда они дошли до угла.

– А что? – спросила новенькая.

– Ничего... Просто так.

– На Кузнечном, – сказала новенькая и зашагала быстрее. Лиза еле-еле поспевала за ней. Ей очень хотелось как следует расспросить новенькую, но она не знала, с чего начать.

– Правда, Елизавета Ивановна хорошенькая? – сказала она.

Новенькая помолчала и спросила:

– Это какая Елизавета Ивановна? Учительница?

– Да. Правда, она чудная?

– Ничего, – пожала плечами новенькая.

Здесь, на улице, в своём лёгком пальтишке она казалась ещё меньше, чем в классе. Нос и всё лицо у неё на морозе страшно покраснели. Лиза решила, что лучше всего заговорить для начала о погоде.

– У вас что – на Украине – теплее или холоднее? – сказала она.

– Трохи теплей, – сказала новенькая. Вдруг она убавила шаг, посмотрела на свою спутницу и сказала: – Скажи, это очень глупо, шо я так ревела сегодня у классе?

– Ну почему? – пожала плечами Лиза. – У нас тоже девочки плачут... А ты почему плакала, что у тебя случилось, а?

Она думала почему-то, что новенькая ей не ответит.

Но та посмотрела на Лизу и сказала:

– У меня папа пропал.

Лиза даже остановилась от удивления.

– Как пропал? – сказала она.

– Он – лёгчик, – сказала новенькая.

– А где он – в Киеве пропал?

– Нет, здесь – на фронте...

Лиза открыла рот.

– Он что у тебя – на войне?

– Ну да, конечно, – сказала новенькая, и Лиза, посмотрев на неё, увидела, что в её глазах опять блестят слёзы.

– А как же он пропал?

– Ну, как вообще на войне пропадают. Улетел, и никто не знает, что с ним. Одиннадцать дней от него писем не было.

– Может быть, некогда ему? – неуверенно сказала Лиза.

– Ему и всегда некогда, – сказала новенькая. – А он всё-таки в декабре оттуда восемь листиков прислал.

– Да, – сказала Лиза и покачала головой. – А вы когда, давно из Киева приехали?

– Мы сразу, вместе с ним приехали, как только война началась – на третий день.

– И мама твоя приехала?

– Конечно.

– Ох, наверно, она тоже волнуется! – сказала Лиза. – Плачет, наверно, да?

– Нет, – сказала новенькая. – Моя мама умеет не плакать... – Она посмотрела на Лизу, сквозь слёзы усмехнулась и сказала: – А я вот не умию...

Лиза хотела сказать ей что-нибудь хорошее, тёплое, утешительное, но в эту минуту новенькая остановилась, протянула ей руку и сказала:

– Ну, до свиданья, теперь я одна пойду.

– Почему? – удивилась Лиза. – Это ж ещё не Кузнечный. Я тебя провожу.

– Нет, нет, – сказала новенькая и, торопливо пожав Лизину руку, побежала дальше одна.

Лиза видела, как она свернула за угол – в Кузнечный переулок. Из любопытства Лиза тоже дошла до угла, но когда она заглянула в переулок – новенькой там уже не было.

* * *

На следующее утро Валя Морозова пришла в школу очень поздно, перед самым звонком. Когда она появилась в классе, там сразу стало очень тихо, хотя за минуту до этого стоял такой гвалт, что в окнах звенели стёкла, а мёртвые бабочки в классной коллекции шевелили крыльшками, как живые. По тому, как участливо и жалостливо все на неё посмотрели, новенькая поняла, что Лиза Кумачёва уже успела рассказать о вчерашнем их разговоре на улице. Она покраснела, смутилась, пробормотала «здравствуйте», и весь класс, как один человек, ответил ей:

– Здравствуй, Морозова!

Ребятам, конечно, было очень интересно узнать, что у неё слышно нового и нет ли известий от отца, но никто не спросил у неё об этом, и только Лиза Кумачёва, когда новенькая уселась рядом с ней за парту, негромко сказала:

– Что, нет?

Морозова покачала головой и глубоко вздохнула.

За ночь она ещё больше осунулась и похудела, но, как и вчера, жиденькие белокурые косички её были тщательно заплетены, и в каждой из них болтался зелёный шёлковый бантик.

Когда зазвенел звонок, к парте, где сидели Морозова и Кумачёва, подошёл Володька Бессонов.

– Здравствуй, Морозова. С добрым утром, – сказал он. – Сегодня погода хорошая. Двадцать два градуса только. А вчера двадцать девять было.

– Да, – сказала Морозова.

Володька постоял, помолчал, почесал затылок и сказал:

– А что, интересно, Киев большой город?

– Большой.

– Больше Ленинграда?

– Меньше.

– Интересно, – сказал Володька, помотав головой. Потом он ещё помолчал и сказал: – А как, интересно, будет по-украински «собака»? А?

– А что? – сказала Морозова. – Так и будет – собака.

– Гм, – сказал Володька. Потом он вдруг тяжело вздохнул, покраснел, посопел носом и сказал: – Ты... это... как его... не сердись, что я тебя вчера плаксой-ваксой назвал.

Новенькая улыбнулась и ничего не ответила. А Володька ещё раз шмыгнул носом и отправился к своей парте. Через минуту Морозова услышала его звонкий, захлёбывающийся голос:

– Ребята, вы знаете, как по-украински будет «собака»? Не знаете? А я знаю...

– Ну как же, интересно, будет по-украински «собака»?

Володька оглянулся. В дверях, с портфелем под мышкой, стояла Елизавета Ивановна, новая учительница.

– Собака – собака и будет, Елизавета Ивановна, – сказал Володька, поднимаясь вместе с другими навстречу учительнице.

– Ах, вот как? – улыбнулась учительница. – А я думала, как-нибудь поинтереснее. Здравствуйте, товарищи. Садитесь, пожалуйста.

Она положила на столик портфель, поправила на затылке волосы и опять улыбнулась:

– Ну, как поживают наши уроки?

– Ничего, Елизавета Ивановна, спасибо. Живы-здоровы! – закричал Володька.

– А это мы сейчас увидим, – сказала учительница, раскрывая классный журнал.

Взгляд её пробежал по списку учеников. Все, кто не очень уверенно чувствовали себя в этот день в арифметике, – съёжились и насторожились, только Володька Бессонов нетерпеливо подпрыгивал на своей задней парте, мечтая, как видно, что его и тут вызовут первым.

– Морозова – к доске! – сказала учительница.

Почему-то по классу пробежал ропот. Всем показалось, наверно, что это не очень-то хорошо, что вызывают Морозову. Можно было бы сегодня её и не беспокоить.

– Отвечать можешь? – спросила у новенькой учительница. – Уроки выучила?

– Выучила. Могу, – чуть слышно ответила Морозова и пошла к доске.

Отвечала она урок очень плохо, путалась и сбивалась, и Елизавета Ивановна несколько раз обращалась за помощью к другим. И всё-таки не отпускала её и держала у доски, хотя все видели, что новенькая еле стоит на ногах, и что мел у неё в руке дрожит, и цифры на доске прыгают и не хотят стоять прямо.

Лиза Кумачёва готова была расплакаться. Она не могла спокойно смотреть, как бедная Валя Морозова в десятый раз выписывает на доске неправильное решение, стирает его и пишет снова, и опять стирает, и опять пишет. А Елизавета Ивановна смотрит на неё, качает головой и говорит:

– Нет, неправильно. Опять неправильно.

«Ах, – думала Лиза, – если бы Елизавета Ивановна знала! Если б она знала, как тяжело сейчас Вале! Она бы отпустила её. Она бы не стала её мучить».

Ей хотелось вскочить и закричать: «Елизавета Ивановна! Хватит! Довольно!...»

Наконец новенькой удалось написать правильное решение. Учительница отпустила её и поставила в журнале отметку.

– Теперь попросим к доске Бессонова, – сказала она.

– Так и знал! – закричал Володька, вылезая из-за своей парты.

– А уроки ты знаешь? – спросила учительница. – Задачи решил? Не трудно было?

– Хе! Легче пуха и пера, – сказал Володька, подходя к доске. – Я, вы знаете, за десять минут все восемь штук решил.

Елизавета Ивановна дала ему задачу на это же правило. Володька взял мел и задумался. Так он думал минут пять по меньшей мере. Он вертел в пальцах огрызок мела, писал в уголке доски какие-то малюсенькие цифры, стирал их, чесал нос, чесал затылок.

– Ну, как же? – не выдержала наконец Елизавета Ивановна.

– Минуточку, – сказал Володька. – Минуточку... я сейчас... Как же это?

– Садись, Бессонов, – сказала учительница.

Володька положил мел и, ни слова не говоря, вернулся на своё место.

– Видали! – обратился он к ребятам. – Каких-нибудь пять минуток у доски постоял – и целую двойку заработал.

– Да, да, – сказала Елизавета Ивановна, оторвавшись от журнала. – Одним словом – легче пуха и пера.

Ребята долго смеялись над Володькой. Смеялась и Елизавета Ивановна, и сам Володька. И даже новенькая улыбалась, но видно было, что ей не смешно, что улыбается она только из вежливости, за компанию, а на самом деле ей не смеяться, а плакать хочется... И, взглянув на неё, Лиза Кумачёва поняла это и первая перестала смеяться.

В перемену несколько девочек собрались в коридоре у кипяточного бака.

– Вы знаете, девочки, – сказала Лиза Кумачёва, – я хочу поговорить с Елизаветой Ивановной. Надо ей рассказать про новенькую... Чтобы она с ней не так строго. Ведь она не знает, что у Морозовой такое несчастье.

– Пойдёмте поговорим с ней, – предложила Шмулинская.

И девочки гурьбой побежали в учительскую.

В учительской рыжая Марья Васильевна, из четвёртого «А», разговаривала по телефону.

– Да, да... хорошо... да! – кричала она в телефонную трубку и, кивая, как утка, без конца повторяла: – Да... да... да... да... да... да... Вам что, ребята? – сказала она, оторвавшись на минуту от трубки.

– Елизаветы Ивановны тут нет? – спросили девочки.

Учительница показала головой на соседнюю комнату.

– Елизавета Ивановна! – крикнула она. – Вас ребята спрашивают.

Елизавета Ивановна стояла у окна. Когда Кумачёва и другие вошли в комнату, она быстро повернулась, подошла к столу и склонилась над грудой тетрадок.

– Да? – сказала она, и девочки увидели, что она торопливо вытирает платком глаза.

От неожиданности они застряли в дверях.

– Что вы хотели? – сказала она, внимательно перелистывая тетрадку и что-то разглядывая там.

– Елизавета Ивановна, – сказала, выступая вперёд, Лиза. – Мы хотели... это... мы хотели поговорить относительно Вали Морозовой.

– Ну? Что? – сказала учительница и, оторвавшись от тетрадки, внимательно посмотрела на девочек.

– Вы знаете, – сказала Лиза, – ведь у неё отец...

– Да, да, девочки, – перебила её Елизавета Ивановна. – Я знаю об этом. Морозова очень страдает. И это хорошо, что вы о ней заботитесь. Не надо только показывать, что вы её жалеете и что она несчастнее других. Она очень слабая, болезненная... в августе у неё был дифтерит. Надо, чтобы она поменьше думала о своём горе. Сейчас о своём много думать нельзя – не время. Ведь у нас, милые мои, самое ценное, самое дорогое в опасности – наша Родина. А что касается Вали – будем надеяться, что отец её жив.

Сказав это, она опять склонилась над тетрадкой.

– Елизавета Ивановна, – сказала, засопев, Шмулинская, – а вы почему плачете?

– Да, да, – сказали, окружив учительницу, остальные девочки. – Что с вами, Елизавета Ивановна?

– Я? – повернулась к ним учительница. – Да что с вами, голубушки! Я не плачу. Это вам показалось. Это, наверно, с мороза у меня глаза заслезились. И потом – здесь так накурено...

Она помахала рукой около своего лица.

Шмулинская понюхала воздух. В учительской табаком не пахло. Пахло сургучом, чернилами, чем угодно – только не табаком.

В коридоре затрещал звонок.

– Ну, шагом марш, – весело сказала Елизавета Ивановна и распахнула дверь.

В коридоре девочки остановились и переглянулись.

– Плакала, – сказала Макарова.

– Ну, факт, что плакала, – сказала Шмулинская. – И не накурено ничуть. Я даже воздух понюхала...

– Вы знаете, девочки, – сказала, подумав, Лиза, – я думаю, что у неё тоже какое-нибудь несчастье...

После этого Елизавету Ивановну никогда больше не видели с заплаканными глазами. И в классе, на уроках, она всегда была весёлая, много шутила, смеялась, а в большую перемену даже играла с ребятами во дворе в снежки.

К Морозовой она относилась так же, как и к остальным ребятам, задавала ей на дом не меньше, чем другим, и отметки ставила без всякой поправки.

Училась Морозова неровно, то отвечала на «отлично», то вдруг подряд получала несколько «плохо». И все понимали, что это не потому, что она лентяйка или неспособная, а потому, что, наверно, дома она вчера весь вечер проплакала и мама её, наверно, плакала, – и где ж тут заниматься?

А в классе Морозову тоже никогда больше не видели плачущей. Может быть, это потому, что никто никогда не заговаривал с ней об её отце, даже самые любопытные девочки, даже Лиза Кумачёва. Да и что было спрашивать? Если бы отец её вдруг нашёлся, она бы и сама, наверно, сказала, да и говорить не надо – по глазам было бы видно.

Только один раз Морозова не выдержала. Это было в начале февраля. В школе собирали подарки для посылки бойцам на фронт. После уроков, уже в сумерках, собрались ребята в классе, шили мешочки, набивали их конфетами, яблоками и папиросами. Валя Морозова тоже работала вместе со всеми. И вот тут, когда она зашивала один из мешочков, она заплакала. И несколько слезинок капнуло на этот парусиновый мешок. И все это увидели и поняли, что, наверно, в эту минуту Валя подумала об отце. Но никто ей ничего не сказал. И скоро она перестала плакать.

А на другой день Морозова не пришла в школу. Всегда она приходила одной из первых, а тут уже прозвенел звонок, и все расселись по своим местам, и уже Елизавета Ивановна показала в дверях, а её всё не было.

Учительница, как всегда весело и приветливо, поздоровалась с классом, села за столик и принялась перелистывать журнал.

– Елизавета Ивановна! – крикнула ей с места Лиза Кумачёва. – Вы знаете, почему-то Морозовой нет...

Учительница оторвалась от журнала.

– Морозова сегодня не придёт, – сказала она.

– Как не придёт? Почему не придёт? – послышалось со всех сторон.

– Морозова заболела, – сказала Елизавета Ивановна.

– А что? Откуда вы знаете? Что – разве мама её приходила?

– Да, – сказала Елизавета Ивановна, – приходила мама.

– Елизавета Ивановна! – закричал Володька Бессонов. – Может быть, у неё отец нашёлся?!

– Нет, – покачала головой Елизавета Ивановна. И сразу же заглянула в журнал, захлопнула его и сказала: – Баринову Тамару – прошу к доске.

* * *

На другой день Морозова тоже не пришла. Лиза Кумачёва и ещё несколько девочек решили после уроков пойти её навестить. В большую перемену они подошли в коридоре к учительнице и сказали, что хотели бы навестить больную Морозову, нельзя ли узнать её адрес.

Елизавета Ивановна подумала минутку и сказала:

– Нет, девочки... У Морозовой, кажется, ангина, а это опасно. Не стоит к ней ходить.

И, ничего больше не сказав, пошла в учительскую.

А следующий день был выходной.

Накануне Лиза Кумачёва очень долго провозилась с уроками, легла позже всех и собиралась как следует поспать – часов до десяти или до одиннадцати. Но было ещё совсем темно, когда её разбудил оглушительный звонок на кухне. В полусне она слышала, как мать открывает дверь, потом услышала какой-то знакомый голос и не сразу могла сообразить, чей это голос.

Захлёбываясь и проглатывая слова, кто-то громко говорил на кухне:

– У нас в классе есть девочка. Она с Украины приехала. Её зовут Морозова...

«Что такое? – подумала Лиза. – Что случилось?»

Второпях она натянула задом наперёд платье, сунула ноги в валенки и выбежала на кухню.

Размахивая руками, Володька Бессонов что-то объяснял Лизиной маме.

– Бессонов! – окликнула его Лиза.

Володька даже не сказал «с добрым утром».

– Кумачёва, – кинулся он к Лизе, – ты не знаешь, как у Морозовой отца зовут?

– Нет, – сказала Лиза. – А что такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.